

Эта история о том, что Вселенная куда проще, чем мы думаем: в любой точке галактики можно встретить тех, кто не против выпить, подраться и обняться.

Петя — обычный парень, чей интерес к спромату проиграл интересу к спиртосодержащим жидкостям.

Но когда на лавочку к нему и дяде Васе приземляются гости с сиреневым отливом, всё идёт не по сценарию фантастического боевика.

У пришельцев нет яиц, зато есть чувство юмора и корабль в форме баклажана, как у протоссов.

А ещё где-то на борту — Махумба, девушка, которая не ломается под ударом и не верит в глянцевою красоту.

Повесть о страхе, смехе и той самой неуловимой красоте, в которую влюбляешься не глазами, а тишиной после общего крика.

СПРОМАТ
НЕ ПРОШЁЛ,
НО ТЫ ДЕРЖИСЬ

ISBN 978-5-1234-5678-9

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В КОСМИЧЕСКОМ БАКЛАЖАНЕ

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В КОСМИЧЕСКОМ БАКЛАЖАНЕ

*Вселенная проще, чем кажется.
Особенно после третьей.*

ВЫПИТЬ, ПОДРАТЬСЯ, ОБНЯТЬСЯ.
КОСМОС СЛОВАЕТ

Дмитрий Васильев

Приключения на космическом баклажане

<https://litres.ru/74172778>

SelfPub; 2026

Аннотация

Петя — обычный парень, который давно перестал ждать от жизни чего-то хорошего. Но случайная встреча переворачивает всё. Впереди инопланетяне, космические чудовища, случайная помолвка с воинственной красавицей и события, которые сначала кажутся нелепой комедией.

За смешными приключениями скрывается чей-то тщательно продуманный замысел, в котором Петя играет куда более важную роль, чем может себе представить.

Ироничная космическая фантастика с приключениями, тайной и неожиданным вторым дном.

Содержание

Знакомство	4
Конфликт полюсов	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дмитрий Васильев

Приключения на космическом баклажане

Знакомство

Бухать — вредно! Поэтому для уменьшения негативного эффекта нужно привносить в процесс что-то полезное, например, бухать на природе или, что важнее, в правильной компании. Эту аксиому Петя вывел для себя эмпирическим путём где-то между первым и вторым курсом института, откуда его благополучно выперли за «утрату интереса к сопромату». Интерес к сопромату у него, кстати, был, просто интерес к настойке на пионах в компании дяди Васи, обитавшего у теплотрассы за общагой, перевешивал.

Дядя Вася не был бомжом, но его философский дух бунтовал в четырех стенах, поэтому большую часть жизни он проводил на улице. Как бывший геолог, с алкоголем он был на ты и мог по косвенным признакам (сморщенной этикетке, запаху и цвету) определить не только состав спиртосодержащей жидкости, но и её кармический потенциал. В следствии низкого потенциала водку дядя Вася не любил, и увеличивал его путем её превращения в различные настойки. Иногда Пе-

тя думал, что дядя Вася является хранителем тайных алхимических знаний, из-за которых его напитки были так притягательны. Это делало их долгие душевные беседы ещё более увлекательными.

Именно во время одной из таких бесед, небо прорезал свет. И не тусклый свет фонаря, разбитого неделю назад местной шпаной, а густой, сиреневый, с оттенком перезрелого баклажана.

Проморгавшись, Петя заметил над собой крупный инопланетный агрегат. Вытянутой формой тот напоминал дирижабль, а насыщенной фиолетовой окраской корпуса, резко переходящей в густо-зеленую у более узкого конца, практически идеально мимикрировал под вполне заурядный земной овощ.

Из этого самого баклажана, зависшего бесшумно и величественно, вышли они. Петя, как человек, выросший на фильмах про злобных пришельцев и тайные правительства, должен был бы испугаться. Но дядя Вася, прищурившись, изрёк: «Глянь-ка, Петька, братья по разуму. И по запаху тоже. Им, похоже, похмелиться приспичило!». И действительно, пришельцы двигались к лавочке идеально развинченной походкой, которая безошибочно идентифицируется любым жителем постсоветского пространства.

Переговоры были короткими. Дядя Вася молча подвинул им початую полторашку. Инопланетяне, существа высокие, тощие, с конечностями, напоминающими садовый шланг,

переглянулись, издали булькающий звук и присосались всеми тремя хоботами, располагающимися на уровне носа. Вселенная, как выяснилось, устроена по единому принципу: если есть жидкость, содержащая этанол, процесс её употребления рано или поздно приводит к утрате межвидового непонимания.

Увидев, как быстро пришельцы справились с бутылкой, дядя Вася уважительно хмыкнул, но следующую бутылку отдавать им не стал. Пробурчав что-то о том, где он видел отсутствующую инопланетную культуру, он решил просветить друзей по разуму, разлив напиток в пластиковые стаканчики. И понеслось.

Примерно на четвёртой порции, которую дядя Вася гордо именовал «питейным калибратором», Петя решил, что пора выяснить, кто здесь главный. Логика его была проста: мы на своей Земле, у них странные хоботы, а дядя Вася все равно уже начал клевать носом, уронив достоинство геолога в лужу.

Петя встал в стойку, которую считал боевой (на самом деле просто широко расставил ноги и выпятил грудь), и заявил: «Ща я вам, ихтиандры недоделанные, морды бить буду!». Он замахнулся. Пришелец, тот, что казался главным, не стал уворачиваться, и Петин кулак прилетел ему прямо в основание хоботов. К его сожалению, никакого видимого эффекта не последовало. Слегка помедлив, пришелец чуть отошел, и его нижняя конечность, описав немыслимую дугу, с чавка-

ющим звуком прилетела Пете точно в пах. «Гниида!» подумал Петя, складываясь, как швейцарский нож, после чего рухнул на колени. Это была не просто боль (мужики не дадут соврать). Петр, если бы его мозг сейчас мог абстрагироваться, описал бы это ощущение как абсолютное, вакуумное ничто.

В это время пришелец направил на Петю бластер и со щелчком нажал на курок. От накатившего осознания скорого конца Петя почти забыл про унижение людской расы в своем лице и начал прощаться с жизнью. Однако вырвавшийся красный луч не причинил никакого вреда и лишь безболезненно прошёлся вдоль его тела. В голове прозвучала мысль, ясная и чёткая: «Какой забавный вид! Мало того, что с гениталиями, так еще и с абсолютно беззащитными. Как вы до сих пор не вымерли? Неравный бой, просим прощения!»

Дядя Вася, очнувшись, как-то быстро вник в суть проблемы и хмыкнул: «Вот так выверт эволюции. А я-то думал — нормальные мужики». И тут случилось странное. Петя, лёжа в позе эмбриона и суча ногами, вдруг осознал ущербность победившего его существа и засмеялся. Пришелец, видимо считав его эмоции, издал серию булькающих звуков, которые оказались смехом, и рухнул рядом. Так они и лежали рядом, сотрясаясь от смеха, осознавая глубочайшую бессмысленность совершенного акта насилия. Это был момент истины и дружбы, скреплённой подбитым самолюбием и мошонкой.

Когда все успокоились, было решено укрепить межвидовые взаимоотношения. А после определения языка общения (смесь мата, жестов и телепатии), землян пригласили на борт «баклажана». Корабль, висевший в воздухе, действительно формой и цветом в точности напоминал тот самый гигантский баклажан из игры про звездное ремесло. Текстура была матовой, с фиолетовыми прожилками, и, кажется, он даже слегка вибрировал, как перезрелый овощ на грядке. «А что вы думали, тарелка будет? — телепатически хмыкнул главарь. — Унылое ретро. У нас — биоинженерия в тренде».

Внутри баклажан оказался просторным и наполненным переливающимся светом, который пульсировал в такт какому-то низкому гулу. И там, в отсеке, который иначе как камбузом назвать было нельзя, Петя увидел её. Махумбу. Петя сначала не понял, что это девушка. Она сидела на каком-то выступе, скрестив ноги, и её кожа отливала тёмным деревом, а коротко стриженные волосы напоминали плотный разросшийся мох. Увидев человека, она взвизгнула так, что переливчатый свет на секунду стал малиновым. Петя взвизгнул вместе с ней. С полминуты они просто визжали друг на друга от неожиданности, но поняв бесполезность данного занятия, решили таки познакомиться. Махумба оказалась откуда-то из района Нганги. Как она объяснила на ломаном межгалактическом (который Петя внезапно начал понимать, видимо от излучения того странного лазера), она точно так же бухала с этими ребятами на своей родной планете. И, о чудо,

ей тоже пытались дать по яйцам. Пришелец, пьяный в стельку, решил, что имеет право продемонстрировать свои боевые навыки. Но так как Махумба была девушкой и яиц у неё, по понятным причинам, не было, то рефлексорной остановки боя не произошло. Вместо того, чтобы корчиться на земле, она вмазала наглецу с вертушки по макушке, добавила с ноги в живот и завершила комбинацию каким-то особым приёмом, которому её научила бабушка. Теперь уже инопланетянин повалился. После этого они, разумеется, тоже посмеялись над глупостью ситуации, и пришельцы, впечатлённые её боевым духом, взяли её на борт.

И вот теперь они стояли друг напротив друга. Петя и Махумба. Он думал, что сейчас, по закону жанра, его пройдёт на романтику. Что сердце забьётся часто, и он поймёт, что пропал. Ни фигя подобного. Он испугался. Остро, до мурашек по коже. Дело было не в её инопланетном происхождении, не в цвете кожи и не в странном наряде из черных кожаных лоскутов. А в том, что она была слишком похожа на привлекательную земную девушку. И она, глядя на него, испугалась точно того же. Они не были топ-моделями. Никакого глянца, никаких хищных скул или накачанных губ. Они не излучали животную харизму, от которой гормоны начинают плясать польку-бабочку. Они обладали той редкой, спокойной красотой, глядя на которую, ты не можешь объяснить, что именно тебя цепляет. Вроде нос как нос, глаза как глаза, но всё вместе создаёт ощущение, что ты стоишь перед пятым

элементом, хоть и не рыжим.

Дядя Вася, которого каким-то чудом тоже затащили на борт, уже спал в углу, и ему было всё равно. Петя же смотрел в глаза Махумбе и чувствовал, как озорной огонек любопытства в её зрачках постепенно проявляется и у него.

Конфликт полюсов

Махумба оказалась на удивление вежливой девушкой. Воспитанной где-то там, в своих Нгангах, явно на понятиях, которые Петина мама назвала бы «интеллигентными». Она не стала долго пялиться на Петю. Просто окинула его с разных сторон оценивающим взглядом (спокойным и совершенно не раздевающим) и отвернулась к какому-то пульсирующему наросту на стене, который, видимо, был здесь каким-то прибором. Петя, надо отдать ему должное, тоже не будь дураком — не стал подходить к Махумбе, не стал изображать галантного кавалера и уж тем более не попытался завести светскую беседу. Вместо этого он, как заправский конспиратор, выследил ближайшего пришельца, поймал его за первую подвернувшуюся конечность и, предварительно прикрыв на всякий случай причинное место ладонью (урок был усвоен железно), задал вопрос в лоб:

— Слышь, это... шланговый. Откуда бабы на борту? Ты вообще знаком с приметами? Женщина на корабле — тут Петя осёкся, потому что не был уверен, что пришелец вообще различает людей по полу, но на всякий случай добавил шёпотом: — Это к беде. К очень большой беде. К такой, что даже баклажан ваш фиолетовый треснет по швам.

Пришелец, назовём его для удобства Глюком (потому что имя, состоящее из пяти минут бульканья и ультразвукового

свиста, Петя не смог бы воспроизвести без риска вывихнуть челюсть), был искренне удивлён. Его светящиеся пятна на голове перемигнулись синим и зелёным — явный признак межгалактического недоумения. Он-то, наивная инопланетная душа, был уверен, что Петя с Махумбой сразу найдут общий язык. Ну как же: два гуманоида, дышат кислородом, пьют этиловый спирт, оба прошли (хоть и с разным результатом) через приветственный ритуал «междуножного пенделля» — да это же готовый союз, практически дуэт имени Чехова и Книппер! А тут такая осечка. Два симпатичных, красивых даже (как мы помним) полюса, вместо того чтобы притянуться, решили оттолкнуться друг от друга с той самой решительностью, с которой Петина рука порой тянулась к стакану с минералкой, после веселого вечера, а рука Махумбы — к бабушкиным боевым приёмам, во время веселого вечера.

Глюк поразмыслил над ситуацией. На его планете таких проблем не было — там давно отказались от полового размножения, перейдя на почкование и, кажется, что-то связанное с фотосинтезом. Но он искренне хотел помочь. Поэтому, растянув свой ротовой хобот в подобие улыбки, он выдвинул предложение. Простое. Инженерное. Элегантное в своей абсурдности:

— Я могу изменить тебе полярность. Тогда вы притянетесь. Это займёт одну наносекунду. Будет немножко больно. Вернее, очень. Но зато эффективно.

Петя сперва не понял. Потом переспросил. Потом до него дошло, и он таки понял. Ужас сковал его тело с головы до пят, а особенно плотно сконцентрировался в районе, который он только что предусмотрительно прикрывал ладонью. Изменить полярность. Ему. Пете. Тому самому Пете, который ещё вчера сидел у теплотрассы с дядей Васей и рассуждал о бабах с позиций умудрённого жизнью (нет) мужчины. Он попытался облечь свой протест в слова, но словарный запас отказал. Поэтому Петя, как истинный сын своей земли, решил перейти сразу к действиям.

В его голове за наносекунду, равную той, за которую Глюк обещал повернуть свою чудовищную операцию, пронёсся мозговой шторм. Варианты: убежать (некуда, баклажан висит в космосе), закричать (уже), позвать дядю Васю (спит), попытаться объяснить на пальцах (пальцы дрожат). Оставалось одно — старый добрый аргумент, проверенный веками человеческой цивилизации. Петя размахнулся и от всей души, от всего своего страха и возмущения, дал Глюку в бубен.

Бубен у Глюка оказался на редкость крепким. Не голова, а шлем или панцирь какой-то. Твёрдый, хитиновый, возможно с роговыми наростами (откуда, ведь жены у Глюка точно не было, вроде бы). Петин кулак встретился с этой конструкцией, издал жалобный хруст, а Петя пропел ноту ля-ааа. Правда как-то громко и в неправильной тональности.

Теперь уже не страх, а боль — острая, пульсирующая, пронзившая кисть до самого локтя, терзала его. Но, превоз-

могая эту боль, сквозь слёзы, брызнувшие из глаз, он все-таки решил донести:

— А-а-а! Только не полярность! Не меняйте мне полярность! Я лучше с ней поговорю! Я всё что угодно! Я даже...

Он не договорил. Потому что в этот момент сидевшая неподалёку и делавшая вид, что изучает окружающий космос, Махумба решила, что с неё хватит. Она поднялась с плавной грацией, которой позавидовала бы любая крупная кошка, и двинулась к Глюку. Тот ещё не понял, что сейчас произойдёт, и продолжал излучать благожелательные флюиды и булькать что-то утешительное.

Махумба применила могучую бабушкину технику боя на повал.

Это было нечто. Петя потом пытался восстановить последовательность движений и не смог — слишком быстро, слишком смазанно. Кажется, она провернулась на одной ноге, одновременно врезав Глюку локтем в то место, которое у людей называется солнечным сплетением, а у пришельцев — клубком нервных окончаний, зачем-то вынесенных прямо под шкуру. Затем добавила коленом, кажется, в три разные точки одновременно, и завершила комбинацию хлестким ударом открытой ладони по макушке. Звук был такой, будто лопнул спелый арбуз.

Глюк издал серию невнятных бульканий и осел на пол, баюкая растянутый хобот. Но (и это поразило Петю больше всего) он излучал довольные флюиды. Его пятна пере-

мигивались фиолетовым и розовым. «Может, на его планете получить по макушке от женщины считалось чем-то вроде комплимента? Но ведь женщин у них нет Наверное он мазохист», раздумывал Петя, параллельно глядя на Махумбу с откровенным восхищением. Она стояла над поверженным инопланетянином, даже не запыхавшись, и поправляла лоскутный рукав своего наряда. В этот момент она напоминала Петру одновременно всех женщин, которых он боялся и уважал в своей жизни: мать, завуча в школе и техничку из универа, которая могла одним взглядом заставить выйти из помещения хоть студента, хоть президента. Но при этом в Махумбе не было ни капли агрессии — только спокойная уверенность человека, знающего не только собственную цену, но пару секретных техник.

— Ты научишь меня этой технике? — произнёс Петя, сбросив оцепенение. И тут же осёкся, потому что не был уверен, что этой просьбой не оскорбил девушку.

Махумба расплылась в улыбке. Не в той дежурной улыбке, которой тебя встречает кассир в магазине, а настоящей, широкой, открытой, от которой у Пети что-то ёкнуло в груди. Глюк, всё ещё сидящий на полу и баюкающий свой хобот, продолжал излучать довольные флюиды — теперь уже оранжевые, тёплые, почти уютные. Петя вдруг подумал, что, кажется, полярность ему всё-таки изменили. Он недоверчиво покосился на улыбающуюся Махумбу, прислушался к реакции своего организма и с облегчением выдохнул: реакция

была. А ещё сердце билось учащённо. В горле пересохло — тоже факт. Ладони вспотели. Но самое главное было на месте и функционировало в штатном, проверенном миллионными лет эволюции режиме. Нет. Полярность не изменили. Он по-прежнему был Петей. Просто теперь он осознал, почему ёжики плакали, кололись, но продолжали есть кактусы.

Тем временем Махумба перестала улыбаться, шагнула к Пете, и тот, движимый каким-то первобытным инстинктом, чуть отступил назад. Поздно. Она взяла его за руку. Ту самую, которой он бил Глюка в бубен. Прикосновение было мягким, даже нежным. Петя на секунду расслабился. И зря.

Махумба опять применила бабушкин приём.

На этот раз это был не боевой, а какой-то особый, хитрый захват. Её пальцы сомкнулись на Петином запястье определённым образом, она едва заметно надавила на какую-то точку, и руку Пети пронзила вспышка боли, смешанной с чем-то ещё — чем-то вроде электрического разряда, прошедшего от кисти до плеча и дальше, куда-то в позвоночник. Петя взвыл и через секунду уже сидел на полу рядом с Глюком, баюкая собственную руку и поскуливая. Пришелец, кстати, посмотрел на него с выражением глубокого понимания и даже, кажется, сочувствия. Два гуманоида мужского пола (солидарность у них точно была мужской) сидели на полу инопланетного баклажана и синхронно баюкали пострадавшие конечности. Со стороны это выглядело почти как перформанс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.